

Большое количество штилей Пертоминскаго монастыря въ вечерніе сроки зависитъ отъ остановки ночью морскаго вѣтра встрѣчнымъ бризомъ съ суши. Извѣстно, что къ ночи, когда воздухъ надъ землею достаточно охладится, начинаются береговые бризы, они въ Пертоминскомъ монастырѣ, конечно, были, но не имѣя силы проявиться замѣтно, тѣмъ не менѣе, или уменьшали скорость морскаго вѣтра или, останавливая послѣдній, вызывали затишье. Подобная борьба сухонутныхъ вѣтровъ служила причиной штилей и въ тѣхъ случаяхъ, когда создававшіяся условія погоды вызывали на станціяхъ Архангельскъ и Онега несильные вѣтра отъ W и SW. Въ сферѣ вліянія этихъ условій находился и Пертоминскій монастырь; напр., западные вѣтра, наблюдавшіеся на всемъ югѣ отъ 17 до 23 іюля, по своей незначительной силѣ только послужили причиной безвѣтренной погоды въ Пертоминскомъ монастырѣ.

Скорость вѣтра Пертоминскаго монастыря въ среднемъ, за мѣсяцъ была:

въ 7 ч. утра 4 метра въ сек., въ 1 ч. дня 5 м. въ сек., въ 9 час. веч. 3 м. въ сек.

Такимъ образомъ, наблюденія іюля мѣсяца показали преимущество сѣверо-восточныхъ направленій. Совпаденіе направленій вѣтровъ станціи Пертоминская съ вѣтрами въ горлѣ Бѣлаго моря, при характерномъ отличіи ихъ отъ вѣтровъ въ Архангельскѣ, — которые, въ свою очередь, близко совпадая съ средними десятилѣтними, указываютъ на нормальное состояніе атмосферы, — даетъ право считать, что причина вѣтровъ Пертоминскаго монастыря кроется въ мѣстныхъ условіяхъ пункта. Видъ же растительности окраины Лѣтняго берега, принимающей мѣры къ защитѣ себя отъ морскихъ вѣтровъ, на которые она можетъ реагировать въ періоды „жизни“, т. е. лѣтомъ, заставляетъ признать здѣшніе сѣверо-восточные вѣтра не случайностью даннаго мѣсяца, а, наоборотъ, явленіемъ всегда повторяющимся и неизбѣжнымъ, пока существуетъ рѣзкое различіе температуръ воды и воздуха двухъ близкихъ между собою районовъ: Сѣверо-Двинскаго залива, съ одной стороны, и горла Бѣлаго моря съ лежащимъ за нимъ Сѣверно-Ледовитымъ океаномъ — съ другой.

Ближайшее и специальное разсмотрѣніе указанной зависимости сможетъ только раздвинуть районы, и возможно, что горлу моря отведется роль коридора, служащаго удобнымъ пространствомъ для передачи сѣверо-океанскаго лѣтняго муссона, который въ океанѣ, быть можетъ, имѣетъ какое-нибудь иное направленіе, но измѣненный проливомъ чувствуется Бѣлымъ моремъ, какъ NE-ый.

Н. П. Георгіевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Марія Дмитріевна Кривополѣнова, сказительница былинъ *).

Архангельскій кружокъ любителей изящныхъ искусствъ не могъ пройти мимо того счастливаго случая, который далъ возможность подѣ-

*) Вступленіе, сказанное 10 декабря 1915 г. на вечерѣ Архангельскаго Кружка Любителей изящныхъ искусствъ передъ началомъ исполненія М. Д. Кривополѣновой ея стариннокъ. Авторъ.

литься съ архангельскимъ обществомъ впечатлѣніями отъ общенія съ бабушкой М. Д. Кривополѣновой. Пусть ея былины, старинки, скomorошины, бывальщины съ небылицами и неслыхальщинами записаны и напечатаны, т. е. какъ бы не представляютъ уже интереса новизны, но это для специалистовъ, а въ отношеніи общества, въ широкомъ смыслѣ слова —этого сказать нельзя, даже наоборотъ—такъ рѣдко сознательно приходится соприкасаться съ подлиннымъ народнымъ творчествомъ, сохранившимся во всей своей кристаллической ясности и красотѣ и неопошленномъ модной современностью, что подобное знакомство подчасъ дѣлается дѣлымъ откровеніемъ. Въ этомъ творествѣ народномъ заложены источники нашего самопознанія, тѣ первичныя основы нашего національнаго бытія, которыя въ цѣломъ опредѣляютъ будущія судьбы нашей родины.

И бабушка Кривополѣнова возбуждаетъ не одно только любопытство, обусловленное экстраординарностью съ ней происшедшаго, она должна толкнуть представителей мѣстнаго интеллигентнаго общества на посильное участіе въ разработкѣ научныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ этнографіей, какъ людей, которые не могутъ быть незнакомы съ обычаями и нравами и со всѣмъ укладомъ мѣстной народной жизни, пусть они и не специалисты.

Вѣдь нельзя не сказать, что вопросъ объ архангельскомъ эпосѣ находится лишь въ стадіи собиранія и регистрированія памятниковъ народной словесности, т. к. на проникновеніе въ сущность памятниковъ, и а ихъ всестороннее изученіе, что одно и могло бы дать исчерпывающіе результаты, не хватало у изслѣдователей и времени, и знанія края во всемъ его цѣломъ.

Но и это собираніе матеріаловъ по исторіи народнаго эпоса уже важно, и чѣмъ больше этихъ матеріаловъ, чѣмъ всестороннѣе они обслѣдованы и отмѣчены, тѣмъ лучше для науки, литературы и искусства русскаго, которыя въ свое время сдѣлаютъ изъ собраннаго матеріала надлежащіе выводы. Такъ, слушая сказанія бабушки Кривополѣновой, рожденной и прожившей весь свой вѣкъ по р. Пинегѣ, можно бы, казалось, принять ихъ созданными и взлелѣянными всѣмъ укладомъ жизни по этой рѣкѣ, между тѣмъ привычный къ разнымъ говорамъ населенія здѣшняго края слухъ не всегда мирится съ такимъ положеніемъ, иногда кажется, что р. Пинега тутъ ни при чемъ, простая случайность, что сказаніе рождено въ другомъ мѣстѣ. Это именно можно сказать про былинку объ Ильѣ Муромцѣ и Чудищѣ Проклятомъ въ Царьградѣ. И на вопросъ, да не съ Мезени ли эту былинку занесли въ с. Шотогорку, Пинежскаго уѣзда—бабушка отвѣчаетъ:—„да, съ Поморья, куда дѣдушка, научившій ее сказаніямъ, ѣздилъ къ Зимнему берегу на промыслы“.—Вотъ эта сторона—большая освѣдомленность мѣстныхъ людей во всѣхъ особенностяхъ краевой жизни, въ говорѣ, въ напѣвахъ—и можетъ принести неоцѣнимыя услуги дѣлу изученія народнаго творчества, и во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ это могутъ сдѣлать заѣзжіе люди. И какое обширное поле дѣятельности для представителей церкви и школы въ нашемъ краѣ! И какъ мало, къ сожалѣнію, до сихъ поръ сдѣлано въ этомъ направленіи.

Затѣмъ памятники народнаго эпоса интересны и сами по себѣ неувядаемой свѣжестью изложенія и правдивостію фантастики. „Въ народѣ, какъ говоритъ А. Д. Григорьевъ, записавшій много былинъ и историческихъ пѣсенъ Архангельскихъ—былины обыкновенно называются не былинами, а „старинами или старинками“, какъ на рѣкѣ

Пинежъ, при чемъ это понятіе „старина“ далеко не то, что понятіе „былина“; оно гораздо шире. Именно, въ такія же старины входятъ былины богатырскаго характера, былины фавль, былины новеллы, нѣкоторыя близкіе къ былинамъ духовные стихи, а также большая часть древнихъ историческихъ нѣсенъ.

Въ Пинежскомъ краѣ, кромѣ старинъ о богатыряхъ и многихъ старинъ новеллъ и историческихъ нѣсенъ, есть довольно много старинъ-фавль, т. е. шутовыхъ старинъ или скоморошинъ, назначеніе которыхъ размѣшить слушателей.—Есть скоморошина,—напр., рассказываемая М. Д. Кривополѣновой—„Путешествіе Вавилы со скоморохами“, назначеніе которой—не размѣшить слушателей, а внушить имъ уваженіе къ скоморохамъ, которые выставляются здѣсь не веселыми, а святыми людьми, творятъ чудеса и овладѣваютъ царствомъ грознаго царя.

Въ Пинежскомъ краѣ еще сохранились сказительницы былинъ, въ числѣ которыхъ особенно замѣтной является М. Д. Кривополѣнова. Наша бабушка неграмотна,—но тѣмъ болѣе поразительна ея способность передавать въ столь преклонныхъ годахъ длинныя „старины“ съ тонкимъ художественнымъ чутъемъ, съ той живой фразеологіей, которая дѣлаютъ самыя неожиданныя обороты ея рѣчи такими жизненными и правдивыми. Напр., въ былинѣ „объ Ильѣ Муромцѣ“—есть выраженіе „жалѣзми нѣмецкима“, которыми сковали рѣзвыя ноги у царя Константина Атаульевича“, или въ „Кострюкѣ“—о томъ, какъ „пироваль—жироваль государь“—и другія выраженія, которыя совершенно невѣроятны въ устахъ современнаго образованнаго человѣка, но прислушайтесь къ интонаціямъ бабушки въ этихъ словахъ—онѣ такъ звучатъ естественно, красиво, столько въ нихъ настроенія и образности, что опять и опять приходятъ на память восторженныя слова Тургенева о русскомъ языкѣ, его гибкости и красотѣ, и не даромъ солнце русской поэзіи—Пушкинъ—учился русскому языку у своей няни и у московскихъ просвиренъ.

Бабушка любитъ сказывать свои былины, она знаетъ и умѣетъ дать той или другой былинѣ или духовному стиху или скоморошинѣ свой обликъ, свой напѣвъ—особенно она любитъ духовные стихи, въ исполненіи которыхъ она „устали не знаетъ“. Въ бабушкѣ Кривополѣновой не знаешь чему удивляться, тому-ли что и какъ она сказываетъ, или ей самой, къ 72-мъ годамъ тернистаго жизненнаго пути сохранившей и бодрость духа, и ясность мысли, и эту удивительную привѣтливость, и незлобивость.

Почти нищенка, питаюсь Христовымъ именемъ, чѣмъ перепадеть отъ добрыхъ людей, испытывая на каждомъ шагѣ всякія обиды и лишенія—она сумѣла какъ-то остаться такой чистой, жизнерадостной и—по многимъ признакамъ—такой самостоятельной. И теперь, когда бабушка стала извѣстной обѣимъ столицамъ, гдѣ ее обласкали и одарили, когда она уже въ нѣкоторой степени „знаменитость“, она ничуть не измѣнилась въ своемъ обликѣ и характерѣ, не возгордилась, а лишь съ врожденнымъ юморомъ и добродушіемъ взираетъ и переживаетъ разныя положенія своего неожиданнаго блеска.

Но не только это знаніе былинъ и умѣніе ихъ сказывать поразительны въ бабушкѣ Кривополѣновой—былины она могла изучить и усвоить на ремеслѣ долгомъ вѣку, а исполненіе ихъ могло бы даже стать для нея ремесломъ болѣе или менѣе совершеннымъ—хотя бабушка по природѣ сохранила чувство оригинальности въ исполненіи, пережива-

нія послѣдняго, что дѣлаеть ея исполненіе такимъ художественнымъ и привлекательнымъ, поразительно въ бабушкѣ еще другое, что удалось случайно подмѣтить въ ней въ самое послѣднее время, о чемъ не подозрѣваетъ она и сама.

М. Д. Кривополѣнова—очень тонкая, наблюдательная и впечатлительная женщина, одаренная своеобразнымъ даромъ слова со старинными оборотами и реченіями, все-таки не признала за собой возможности и способности исполненій репертуара О. Э. Озаровской, которая открыла Кривонолѣнову Россіи. „Такъ, какъ Ольга Ерастовна, передать не могу и не умѣю“.—Но все-таки, припоминая видѣнное и слышанное при совмѣстномъ пребываніи съ О. Э. Озаровской—она, между прочимъ, стала рассказывать про „Курочку-Рябушечку“, которую такъ тонко передаетъ г-жа Озаровская, а рассказывая съ остановками и шутивными примѣчаніями, увлекалась своимъ исполненіемъ и незамѣтно для себя передала эту характерную побасенку, слышанную ею всего разъ пять съ необычайнымъ подъемомъ и совершенствомъ до конца. Та нѣкоторая надуманность и нарочитость исполненія, которыя не могутъ не отпечататься на всякомъ интеллигентномъ исполненіи народныхъ произведеній, отъ чего несвободна и г-жа Озаровская, тутъ исчезли, остался подлинный народный духъ и складъ исполненія, которое нельзя превзойти. По мѣрѣ того, какъ Кривополѣнова рассказывала „Курочку-Рябушечку“ со всѣми сложными интонаціями въ голосѣ—весь обликъ бабушки непроизвольно преобразился, и стало казаться, что это не безграмотная нищенка и побирушка,—а тонкая интеллигентная женщина, даже больше, стало казаться, что она по природѣ своей настоящая большая артистка, помолодѣвшая до жуткости—но какъ ни радостно было созерцать и ощущать близость эническаго таланта, все-таки на душѣ дѣлалось грустно, отчего такъ поздно ее нашли: сколько бы радостныхъ переживаній и впечатлѣній она доставила людямъ, если бы судьба раньше ее отыскала и направила по настоящему ея пути—„представлять на театрѣ“.—Несомѣнно, бабушка Кривополѣнова—явленіе чисто русское, созданное здоровыми корнями крѣпкой духомъ національности—ибо иначе было бы невозможно такое сочетаніе фантастичности и сказочности вмѣстѣ съ бытовыми и реальными чертами, которыя мы наблюдаемъ въ такой, степени на М. Д. Кривополѣновой, и подлинно, нельзя не сказать тутъ словами Тютчева:

„Умомъ Россію не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить.
У ней особенная стать—
Въ Россію можно только вѣрить“.

А. А. Наретниковъ.

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Засѣданіе Правленія 9-го декабря. Вслѣдствіе изъявленнаго флигель-адъютантомъ Б. А. Вилькицкимъ согласія сдѣлать въ Обществѣ докладъ о совершенной подъ его руководствомъ полярной экспедиціи въ 1914—15 гг. было постановлено для выслушанія доклада созвать 12 декабря Общее Собраніе.